

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
ҒЫЛЫМ КОМИТЕТІ
Ш. Ш. УӘЛИХАНОВ АТЫНДАҒЫ
ТАРИХ ЖӘНЕ ЭТНОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ**

**«Н.Ә. НАЗАРБАЕВТЫҢ «ҰЛЫ ДАЛАНЫҢ ЖЕТІ ҚЫРЫ» МАҚАЛАСЫН
ЖҮЗЕГЕ АСЫРУ АЯСЫНДАҒЫ
ОТАН ТАРИХЫНДАҒЫ ТҰЛҒАНЫҢ РӨЛІ»
атты Халықаралық ғылыми-теориялық конференция
МАТЕРИАЛДАРЫНЫҢ ЖИНАҒЫ
Алматы қ., 19 қараша 2019 ж.**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
Международной научно-теоретической конференции
«РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА
В РАМКАХ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ СТАТЬИ Н.А. НАЗАРБАЕВА
«СЕМЬ ГРАНЕЙ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ»
г. Алматы, 19 ноября 2019 г.**

**COLLECTION OF MATERIALS
of the International scientific-theoretical conference
«THE ROLE OF PERSONALITY IN THE HISTORY
OF HOMELAND IN PRACTICAL IMPLEMENTATION
OF N.A. NAZARBAYEV'S ARTICLE
«SEVEN FACES OF THE GREAT STEPPE»
Almaty, November 19, 2019**

Кабульдинов З.Е.

Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова,
Алматы, Казахстан

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ВОЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АБЫЛАЙ-ХАНА

Жизненный путь Абылай хана был нелегким. Он родился в 1711 году (по другим сведениям – в 1713 году) в г. Туркестане (по другим данным – в Ташкенте) [1]. При рождении он получил имя Абилмансур. Его дед, тоже по имени Абылай, был владельцем города Туркестан и даже Ташкента, прославившись воинскими доблестями, получил грозное прозвище «канішер Абылай» («кровавый Абылай») [2]. Абылай получил мусульманское образование, владел несколькими восточными языками, хорошо играл на домбре, оставив после себя ряд кюев. Во время междоусобных войн он остался сиротой. Примерно с пятнадцатилетнего возраста начал принимать деятельное участие в войне с жонгарами.

Султан был выше среднего роста, отличался большой физической силой. Современники уважали его за смелость, отвагу и ловкость. До самых последних своих дней он был рядом с воинами и участвовал в военных походах. Захваченную добычу всегда делил со своими ополченцами. В сражениях с внешними врагами его несколько раз ранили.

Абылая отличали остроумие и находчивость, среди своих современников его знали как человека слова, блестящего ума, честного и справедливого правителя.

Он был прекрасным оратором, знатоком обычного права казахов и шежире, сумел собрать вокруг себя самых авторитетных, уважаемых и честных людей. За годы своей политической деятельности наработал огромный дипломатический опыт, вступаю в длительные переписки с правителями и высокопоставленными чиновниками соседних государств.

Со слов его правнука Ч. Валиханова: «Участвуя во всех набегах сначала как рядовой воин, он показывает подвиги необыкновенной храбрости и хитрости. Полезные его советы и стратегические соображения упрочивают за ним имя мудрого» [3].

Абылай стал широко известен в народе, когда ему было около двадцати лет. Войдя в ополчение хана Абулмамбета, в одном из сражений 1733 года под воинственный клич «Абылай!» в единоборстве победил именитого жонгарского военачальника, батыра Шарыша, после чего он получил новое имя – Абылай и стал пользоваться огромной популярностью и авторитетом среди степняков. Ему доверили управление одним из крупных родов атыгай племени аргын Среднего жуза. Но к 1749 году Абылая подчиняются все семь родов аргынов, а также керей, уаки, и часть кыпчаков [4].

С целью укрепления своей власти и налаживания добрососедских отношений с соседями Абылай заключал династийные браки с представителями влиятельных семей соседних государств, а также казахских ханов и султанов, ходжей и родоправителей. Вот как об этом написал правнук хана, известный казахский просветитель Ч. Валиханов: «Хан этот имел 12 жен, от которых имел 40 дочерей и 30 сыновей. От первой жены Карачач-ханым, дочери Абульхаира, или Каипа хивинского, Абылай не имел сыновей, кроме двоих дочерей, из которых одна была замужем за Даир-ханом, сыном Бараковым, а другая – за султаном Худаймендой. 2 – Сайман-ханым – дочь каракалпакского бека Сагендек-Чувакбая, мать хана Валия. 3 – Бабак-ханым – дочь кашгарского бека Кендже-Сарта, выехавшего в Китай. 4 – из ходжей, сестра знаменитого святого киргизского Саргалдака. 5 – Топчай, или Тубч – дочь калмыцкого князя Хочу-мергена, родственника Галдан-Черена, который был некоторое время у Абылая в Орде. 6-Тохта-ханым – дочь тоже калмыцкого нойона. 7 – Татч-ханым – добыча от киргизов; от нее Аблай имел 2 дочерей; одна из них была выдана за сына хана Тауке – Турсына. 8 – Орес-ханым, прозвана Слу (красавица) – добыча от калмыков. 9 - Тулак-ханым. 10 – Саин-Кобен. 11-Чаган-ханым и 12 – Мунтум. Четыре последние жены Аблая были все калмычки и не имели детей. Девятая находилась в качестве помощницы при Сайман-ханым, десятая – при Карачач-ханым» [5].

Вся внутривосточная деятельность Абылая была направлена на восстановление централизованного и независимого государства. Его власть была практически неограниченной и пользовалась всеобщей поддержкой народа.

В 1759 году царская администрация предложила Абылаю сместить Абулмамбета и занять его место, обещая ему всяческую поддержку. Однако влиятельный и мудрый султан ответил категорическим отказом: данное предложение могло привести к разрушению единства народа. Только после кончины хана Абулмамбета, Абылай согласился стать правителем всех трех жузов. Царское правительство в 1778 году признало Абылая ханом только Среднего жуза. Однако он отказался поехать на

торжественную церемонию присяги и вручения царской грамоты и подарков, поскольку считал, что правителем его избрал народ, и потому он не обязан клясться в верности российскому престолу. Более того, считал себя законно избранным ханом всех трех жузов в 1771 году.

Свои усилия хан направил по следующим направлениям. Во-первых, ему практически удалось воссоздать централизованное казахское государство. В 1771 году в Туркестане его провозгласили ханом всех трех жузов. Вот как об этом писал сам Абылай в своем письме Оренбургскому губернатору Н.А. Рейнсдорфу в 1779 году: «Во владении же моем состоят Большая и Меньшая, в Средней хан был единоличным правителем орды» [6].

Этому во многом способствовала и его выдающаяся роль в разгроме как жонгар, так и воинственных волжских калмыков во время «Пыльного похода» 1771 года [7]. В 1772 году ханский титул подтвердили и китайцы [4, с. 274].

Для лучшего управления подданными в каждом из трех жузов Абылай назначил правителями улусов влиятельных людей, в том числе и своих близких родственников. Так, в Семиречье (Жетысу) от его имени правили султаны *Адил* и *Суюк*, в Центральном Казахстане – султан Касым, в Прииртышском регионе – двоюродный брат хана султан Султанбет с многочисленными потомками (17 сыновей, рожденных от 2 жен – *авт.*), в Восточном Казахстане – сын Абулмамбета Абулфеис. Хану также помогал многочисленный отряд преданных ему толенгутов, батыров и биев. Во-вторых, он усилил судебную власть, опираясь при этом на авторитет крупных казахских биев. Наиболее влиятельной политической фигурой был его советник Бухар жырау, который состязался в красноречии даже с башкирскими ораторами [8].

В-третьих, Абылаю удалось прекратить междоусобные столкновения и барымту среди подведомственных родов и племен. Наконец, он поощрял занятие казахами земледелием, сенокосением и рыболовством, всячески поддерживал в Степи караванную торговлю, инициировал строительство кузниц в Степи. Он был сторонником распространения огородничества и зерновых культур в степи, для чего нередко обращался к сибирским властям с просьбами прислать ему семена различных овощей и зерновых культур, что видно из письма командующего Петропавловской крепости полковника С.В. Суморокова командиру Сибирского корпуса генерал-поручику И.А. Деколону от 24 февраля 1775 года: «Получено мною чрез присланного киргисца Чаганбака Средней киргиской кайсацкой орды от владельца Аблай-салтана на имя вашего высокопревосходительства письмо, также и в какой силе от него Аблая, прислано ко мне таковое, коим он просит о присылке ему пшениц, ячменю, просы, четырех сошников, семян табашного, дынного, арбузного, морковного, кретишного и о прочем» [9]

Хан был покровителем поэтов, музыкантов и религиозных деятелей, мечтал о строительстве в крае городов.

Внешняя политика Абылая, направленная в сторону России, отличалась гибкостью и дальновидностью, направленной на обеспечение неприкосновенности территории северной части Казахского ханства, для чего он старался сохранять добрососедские отношения, поддерживал дипломатические и торговые связи. С достоинством и с почтением принимал российских посланников [10].

В частности, одна из таких встреч была в августе 1740 году, когда Абылай вместе

с Абулмамбетом посетили ставку руководителя Оренбургской экспедиции Урусова, где они приняли российское подданство[11].

Контролировал иноземные торговые караваны, идущие в Россию или из России, взимал с них пошлины. От его имени приводили в исполнение смертные приговоры, не согласовывая свои действия с царским правительством.

Открыто защищал своих подданных от притязаний военных лиц. Иногда он вступал активным посредником при их освобождении. К примеру, 15 июня 1748 года султан обратился к обер-коменданту Иртышской линии Я. Павлуцкому о необходимости возврата семьи и людей Алембет батыра, содержащихся в России: «И Альметь-батыря, которых пленные люди – извольте выслать...» [10, л.75].

Абылай выступал и посредником торговли бухарцев с россиянами, выдавая им свои «доверительные письма». К примеру, 4 августа 1748 года в Верхнечарнавский форпост прибыли из Жонгарии 48 бухарских купцов в сопровождении 2-х казахов с сопроводительным письмом от Абылая: «И при том тем бухарцам имянной реэстр, и данное им от киргис-кайсацкого владельца Аблай-салтана при письме на их диалекте о пропуске по фарпостам» [10, л. 406].

В 1765 году султанам Абылаю и Султанмамету из Среднего жуза стали выдавать ежегодное жалованье в размере 300 и 150 рублей соответственно, в то время как в это время Нуралы хан получал 600 рублей как сын старшего хана Абулхаира [12].

Видя в Абылае достойного оппонента, питая к нему некоторый пиетет, руководство Западной Сибири требовало от комендантов крепостей более достойного и уважительного к нему отношения. Это видно из письма Оренбургской канцелярии командиру Сибирского корпуса бригадиру К. Л. Фраундорфу от 12 марта 1759 года: «Не соизволите ль, ваше высочордие на все тамошние линии крепостным командирам подтверждение учинить, чтоб они в случаях к нему Аблай-салтану, также и другим киргисцам поласкове были, и без заданных от них притчин никаких обид нис же грубостей им не оказывали. Ибо того по нынешним обстоятельствам высочайшей Ея императорского величества интерес требует» [13].

Были неоднократные попытки Абылая заключить военный союз или по крайней мере заручиться военной помощью со стороны Российской империи. Но каждый раз он получал завуалированный, но ожидаемый отказ: царизм опасался усиления позиции своевольного и самостоятельного степного властелина. К примеру, в своем письме на имя Оренбургского генерал-губернатора И.А. Рейнсдорфа от 19 сентября 1772 года он попросил прислать ему войска для наведения порядка среди его подданных: «Есть ли можно, то с тысячу или пятьсот, а по последней мере с триста человек для воздержания Средней моей орды злодействующих киргиз-кайсак ко мне прислать»[14].

На наш взгляд, это был ложный выпад хана Абылая, который только в 1771 году из Северо-Восточного Казахстана через своего двоюродного брата сумел собрать 50-тысячное военное ополчение. Более того, он имел в своем распоряжении несколько тысяч верных ему толенгутов, имевших солидный опыт ведения военных действий, не считая таковых, которые имелись у его 30 сыновей, родных и двоюродных братьев, а также сватов из уважаемых семей, в том числе и иностранного подданства. Эта была своего рода проверка готовности России оказать ему военную помощь в

случае осложнения внутренней обстановки и геополитической ситуации в регионе. Это была и дипломатическая уловка с целью укрепить несколько пошатнувшееся положение среди своих подданных, особенно в конце его правления. Безусловно, Россия каждый раз отвечала ему отказом.

Вот как описывает основные причины независимости Абылая от царского правительства известный алашский деятель К. Кеменгеров: «Умный хан Абылай не подчинил Средний жуз России, введя в заблуждение последнюю. Россия не смогла подчинить Средний жуз по следующим причинам: 1) отдаленность территории; 2) Средний жуз соседствовал с Китаем и Джунгарией; 3) Если Россия стала бы сильно притеснять, то Средний жуз мог уйти в Китай; 4) Поддавшись политике Абылая натравливания друг на друга Китая и Джунгарии, Россия не смогла расколоть извне Средний жуз (русское правительство называло Абылая «знаменитым варваром»)» [15].

Постепенный отход Абылая от Российской империи начинается с середины 50-х годов XVIII века и связан он с казахско-жунгарскими отношениями и строительством царизмом линии военных укреплений на Новоишимской линии в 1752–1755 годах: «Даваца в 1754 году (разбив Амурсану) сильно теснит киргизов Средней Орды к нашей линии, разбивает и Амурсану, который, вследствие того, ищет опоры в китайцах, признавая над собою власть богдохана, но пока китайское правительство успело выслать войска против Давация, Абылай был так стеснен на севере, что обращается к сибирскому пограничному начальству с просьбой впустить внутрь линии жен и детей киргизов некоторой части Средней Орды. В этом ему начальники линии, на основании Указа военной коллегии от 31 января 1755 года отказывают, тем самым окончательно убеждают Абяла в том, что от русского правительства, столь неосновательно опасавшегося таких ничтожных врагов, как джунгары, и из одного этого опасения, отказав прикрыть подвластных ему киргизов, нечего ожидать в будущем... с этих пор до конца своей жизни он поступает с нами столь же коварно, как и мы с ним. А жаль было лишаться доверия одного из самых популярнейших султанов. Аблай имел для нас значение больше, нежели нелюбимый народом Абулхаир...» [16].

Иногда во взаимоотношениях Абылая с Россией доходила и до открытых военных конфликтов: «...Скажем еще несколько слов о самовольных переходах киргиз Средней орды в наши пределы. Киргизы этой орды во главе султаном Аблаем, как нам уже известно, во время башкирского бунта были заняты набегами на зюнгар и своими успехами так увлеклись, что в зиму 1754–1755 годов стали переходить по реке Иртышу на русскую сторону, под предлогом неимения корма на их стороне. Офицерам, посланным для удаления киргиз, они оказали сопротивление, избili драгун и угрожали не выпускать людей из крепости, сжечь сено и не давать воды из Иртыша. Вследствие этого была учреждена команда в 400 человек, которая должна была быть «во всегдашней готовности к выступлению против киргизов»... В других местах линии осталось киргиз еще несколько тысяч, и согнать их оказалось делом не легким» [17].

В 1759 году царская администрация предложила Абылаю сместить Абульмамбета и занять его место, обещая ему всяческую поддержку, однако влиятельный и

дальновидный султан отказался сделать это: данное предложение не отвечало требованиям сложившейся ситуации в казахском обществе. Оно могло привести к разрушению единства казахов. Только после смерти хана Абульмамбета в 1771 году Абылай был провозглашен ханом всех трех жузов. Вот как об этом написал известный исследователь нового времени А.И. Левшин: «...Султан Аблай в то же самое время становился день ото дня сильнее. Превосходя всех современных владельцев киргизских летамы, хитростью и опытностью, известным умом, сильный числом подвластного ему народа и славным в ордах сношениями своими с императрицею российскою и китайским богдыханом, Аблай соединял в себе все права на сан повелителя Средней орды. Уверенный в своих достоинствах, он искусно привлекал к себе приверженцев важностию своею и осторожным поведением, грозил врагам своею силой и признавал себя, смотря по нужде, то подданным русским, то китайским, а на самом деле был властителем независимым. Это сделалось особенно приметным после 1771 года, когда он стал менее заботиться о сохранении наружной покорности своей России, менее лицемерить и начал явно называться ханом» [18].

22 октября 1778 года царское правительство признало Абылая ханом одного Среднего жуза. Это было ответом на его письмо от 28 февраля 1778 года, когда он попросил российскую императрицу Екатерину II утвердить его в ханском достоинстве и, причем, правителем всех трех жузов: «Абулхаир и Абулмамбет ханы скончались, которые предкам моим были родственники. Как они от сего света отошли, так чреда ханского достоинства достались мне. По кончине их, всех киргиз-кайсацких орд, то есть Большой, Средней и Меньшей, ханы и солтаны купно с большими и меньшими города Ташкента и провинции Туркестанской с общего согласия в прошлом 1771 г. в городе Туркестанте при гробе мусульманского нашего святого Ходжи Ахмета, по обыкновению нашему, прочтя молитву, наименовали меня всех трех киргиз-кайсацких орд ханом, в которое звание и действительно возвели... всеподданнейше прошу, то мое ханское звание пожалованием из благославенных рук В.в. за золотую печатью высочайшей грамоты всемилостивейше подтвердить» [6, лл.42–46].

Но хан, видимо, не согласный с позицией царизма об утверждении его ханом только одного Среднего жуза и опасаясь за свою жизнь, отказался поехать на торжественную церемонию присяги и вручения царской грамоты и подарков. Более того, на церемонии возведения его в ханы, он должен был стоять на коленях, чего не было в традициях чингизидов. Хан Абылай считал, что его правителем избрал народ и потому он не обязан клясться в верности российскому престолу. Вот как описывает эти события известный исследователь нового времени А.И. Добросмыслов: «24 мая 1778 года султан Аблай возведен императрицей Екатериной II в ханское достоинство, и тогда же объявлено было в этом особой императорской грамотой... Императрица Екатерина II, утвердив Абылая в ханском достоинстве, предложила оренбургскому губернатору приложить старанье, чтобы Абылай для конфирмации прибыл в город Оренбург или другое какое-либо место Оренбургской губернии и самый обряд совершить таким образом, как это было при конфирмации хана Малой орды Нурали в 1749 году... При принятии Аблай должен стоять на коленях, как принимал присягу в Оренбурге хан Нурали, хотя на этом, во избежание «предосудительного шума» в народе, предлагалось сильно и не настаивать. Вместе с грамотой на ханское

достоинство к оренбургскому губернатору были препровождены для вручения Аблая соболья шуба, шапка с околышем из чернобурых лисиц и сабля (Всего было израсходовано на посольство хана Аблая 4380 рублей, в том числе 1494 рубля на изготовление знаков ханского достоинства). Аблай оказался верным своим правилам и на этот раз, отказавшись от поездки на линию и от принятия присяги. Неоднократные попытки пограничного начальства побудить Аблая принять присягу не имели никакого успеха, а потому грамота на звание хана и другие знаки на это достоинство остались не врученными ему. По разведкам оказалось, что Аблай потому не хотел принять присяги, что продолжал считаться подданным богдыхана и, уклоняясь от присяги на верноподданство русской императрице, желал сохранить за собою свободу действий. Для того, чтобы Аблай почувствовал негодование русского правительства, приказано было прекратить ему выдачу жалованья, поддерживать всеми удобными способами соперников его и запрещено русским ездить в орду во избежание опасности от «сей дичи»... Предполагали было взять Аблая за дерзкое и непристойное поведение в плен» [19, с.157–158].

Именно Абылаю при поддержке его двоюродного брата султана Султанмамета принадлежит величайшая заслуга в возвращении казахскому народу правобережья Иртыша через систематическое обращение региональным и центральным властям о перепуске казахского скота на правый берег Иртыша. Иногда обращения к региональным властям с настоятельными просьбами о перекочевке на правую сторону Иртыша приобретали коллективный характер со стороны весьма высокопоставленных лиц – султанов Абылая и Султанмамета. Об этом можно узнать из письма Абылая и Султанмамета генерал-майору фон Веймарну от 6 июня 1760 года: в нем они так же, как и прежде, настаивали на пропуске скота на правобережье Иртыша. Как видно из даты обращения, степняки требовали зимнего перехода заблаговременно, задолго до наступления зимы: *«И при том покорно просим, как зима наступит, чтоб пожаловать на сию к российской стороне с нашей за реку Иртыш дозволение дать зимовать, а как весна наступит, паки на свою убраться должны. И у нас между собою гораздо будет соседство и дружелюбие. А состоящие по Иртышской линии в крепостях и фарпостах командиры нас на вашу сторону не допускают зимовать, и мы на их случае гневаемся»* [20].

Такое разрешение было получено только лишь в 1771 году, но только на временной основе, на зимнее время, без оружия, одним только табунщикам.

Опасаясь потерять свое влияние на хана царское правительство в 1779 году подтвердило выдачу ему ежегодного жалованья в 300 рублей и 200 пудов муки. Кстати, царская администрация сама подталкивала Абылая просить у нее жалованья, с тем, чтобы сделать его более зависимым от империи [21, с.119].

Но к этому времени Абылай практически полностью разорвал отношения с Российской империей и удалился на юг, ограничиваясь небольшими и редкими письмами, абсолютно не появляясь в приграничной зоне.

Россия попыталась склонить на свою сторону Абылая и другими методами. Так, в 1756 году ему одним из первых был построен деревянный дом-хоромы, по его просьбе в его кочевья отправлялись русские косцы для распространения сенокосения. По его же просьбе в приграничных российских крепостях разрешались открывать так называемые «сатовки».

Резиденция Абылай хана в г. Петропавловске (реконструкция). Режим доступа: <https://mix.tn.kz/mixnews/10-udivitelnyih-faktov-iz-jizni-abyilay-hana-379218/>.

Основные свои усилия Абылай сосредоточил на политике ослабления жонгарской агрессии. Надежды на военную помощь России не оправдались. Жонгары, заключив в 1739 году мир с Цинской империей, бросили все свои силы на запад и в 1741 году начали новый крупный поход на казахов, в результате которого Абылай попал в плен, находясь более 2-х лет. Заключение мира с Жонгарским государством в 1743 году способствовало освобождению султана Абылая из плена. Посольство майора Миллера, направленное к Галдан-Церену в 1742 году, ограничилось словесными угрозами в адрес жонгаров и пожеланием жить «как добрым соседям».

После смерти Галдан-Церена в Жонгарии началась ожесточенная борьба за трон между его наследниками. Казахские султаны охотно приняли участие в междоусобицах жонгарских правителей. Это давало им возможность ослабления своих противников и возвращении южных и юго-восточных районов Казахстана [22].

Иногда Абылай, объединившись с жоигарскими князьями, выступавшими против Давации, активно сражался с остатками своих исконных врагов, о чем поведали китайские источники: «Цэрэн, Эринцин, Абылай во главе отрядов ойратов и казахов более чем в 10 тысяч человек начисто разграбили все кочевья на Боротале» [23].

Абылай, поддерживая поочередно то одного, то другого претендента на престол, сумел добиться значительных территориальных уступок от жонгар. В это время китайские правители внимательно следили за положением дел в Жонгарии и готовили захват этой страны. Начались китайско-жонгарские войны: в 1755 году цинский император ввел значительные войска в Жонгарию. Некогда могущественный Амурсана был вынужден прятаться у своего друга Абылая, позднее – был вынужден бежать под покровительство российского государства в Сибирь. К 1758 году Жонгария была полностью покорена китайской армией. Погибло и попало в плен около 1 млн жонгар и их сателлитов. Оставшиеся в живых и выбравшиеся из окружения небольшая часть жонгар бежала к родственным калмыкам в низовья Волги. На своем пути жонгары подверглись многочисленным нападениям казахских отрядов.

В 1761 года с целью окончательного закрепления позиции Китая в Жонгарии создается имперское наместничество Синьцзян (Новая линия). Небольшая часть жонгар осела на территории Среднего жуза.

А на весьма жесткое требование командующих китайскими колонами в 1755 году отдать им Амурсану, Абылай ответил в весьма корректной и отказной форме, не желая предавать своего бывшего союзника: «Амурсана подобен несчастной птице, бросившейся в лес, поймать его не трудно. Прошу великого императора открыть силки, позволить ему сохранить жизнь». Кстати, китайцы в это время дошли до реки Ишим. Безусловно, Абылай покровительствовал своему другу, который ранее помог ослабить жонгар [23, с. 105]. Своим указом от 12 апреля 1757 года император наказал обоих командующих китайской армии, упустивших Амурсану и Абылая, лишив их дворянского звания [23, с.109].

В любом случае роль Абылая в уничтожении жонгарского государства велика [24]. Хан проводил политику лавирования между крупнейшими империями: Российской и Китайской. Поддерживая дипломатические отношения с обоими государствами, он сумел обеспечить практически полную независимость Казахского ханства. Находясь в российском подданстве, он в 1757 году начал поддерживать дипломатические отношения с китайским правительством, приняв внешнюю покорность. Данная мера позволило ему остановить колониальные действия России на территории Казахстана, в то же время не допуская эскалации военных действий со стороны Китая.

Вместе с началом уничтожения Жонгарского государства несколько обострились земельные отношения казахских правителей с китайскими властями. Летом 1755 года в Казахстан к султану Абылаю было отправлено китайское посольство с целью урегулирования приграничных вопросов. Однако Абылай не хотел признавать факт захвата Китаем Жонгарии. Более того, стал оказывать активную помощь своему побратиму Амурсане, возглавлявшему антицинское восстание жонгар. Руководители казахов считали законным возвращение части земель Жонгарии казахам как их прежним и законным хозяевам. Но иначе думал Китай. По словам Н. Коншина «... положение осложнялось тем, что китайское правительство, считая жонгарские земли, в силу завоевания, своими, стало предъявлять претензии на власть над казахами» [25].

Весной 1756 года казахские отряды совершили глубокий рейд в Жонгарию против китайских войск. В ответ на это китайский император отдал приказ начать ответное наступление в Казахстан. Предполагалось войти в кочевья Среднего жуза с двух сторон – с юга и востока. Кроме того, китайские войска должны были захватить в плен Амурсану, который скрывался в это время у султана Абылая. Против армии, двигавшейся с востока, действовали казахско-жонгарские отряды под командованием *Амурсаны* и *Кожсаберген-батыра*. Против южной армии действовала дружина *Абылая* и *Богенбай батыра*. Казахи дали несколько сражений цинским войскам и задержали их продвижение вглубь степей. Эта мера дала возможность казахским аулам откочевать подальше от районов военных действий.

Казахские ополчения помешали объединению двух китайских армий, совершая неожиданные нападения. Поэтому китайские армии были вынуждены вернуться обратно. Летом 1757 года на северных отрогах Тарбагатая произошли последние сражения между китайскими войсками и отрядами султана Абылая, который не мог

не видеть военно-техническое и численное превосходство Цинской империи. Начался длительный процесс дипломатических переговоров. С установлением в Жонгарии маньчжуро-китайской власти земельный вопрос на востоке Казахстана обострился. Китайцы начали возводить в долине р. Или и на Тарбагатае военные укрепления, чтобы не допустить возвращения казахов на освободившиеся от жонгар земли. В 1761 году китайский богдохан издал указ о запрещении казахам кочевать южнее р. Аягуз. Однако казахи продолжали самовольно занимать пастбища Тарбагатая. Китайские войска в 1762–1765 годах совершили несколько карательных операций по выселению казахов с земель Жонгарии. Но с наступлением зимы и уходом китайцев, казахи вновь возвращались на эти пастбища. Численность прибывавших казахов постепенно росла, и Абылай активизировал переговоры с китайцами.

В качестве мер устрашения в империи Цин был издан приказ о захвате в плен самого Абылая, который был активным поборником возвращения части земель казахам. Это можно усмотреть из приказа императора Цяньлуна: *«Если они по-прежнему станут переходить границы и кочевать на нашей территории... захватывать их скот, брать в плен их старшин. Если среди них окажется Абулай, также хватать его, дабы устрашить (казахов – авт.)»* [23, с.168].

10 октября 1762 года башкир Ш. Абзанов в Троицкой крепости показал о том, что цинские власти прогоняют казахов из Жонгарии: *«Китайской владелец богдаксон их, киргисцов, которые роды кочевье имели на разоренной зенгорских калмык землице, всех згоняют и с таким приказанием: ежели они добровольно с тех мест не сойдут, то он имеет тысяч до пяти из своего войска выслать и побить и ни для какого б себе ползования в ево владение они, киргисцы, не приезжали»* [26].

В 1767 году после череды длительного противостояния Китай был вынужден разрешить казахам пользоваться пастбищами в районе Тарбагатая и р. Или. В обмен китайцы потребовали выплаты арендной платы и принятия подданства: к концу XVIII века часть казахов Среднего и Старшего жузов приняли его и заняли богатые пастбища Тарбагатая, долины р. Или и части монгольского Алтая.

Чтобы сохранить часть казахской территории хан Абулмамбет и султан Абылай отправили Султанмаммет султана и Кинзя батыра добровольно стать аманатами (заложниками. – авт.) Китайской империи, что можно усмотреть из книги профессора К.Ш. Хафизовой «Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV – XIX вв.)»: *«... в 1763 г. Аблай направил в Китай в аманаты отца своей старшей жены казаха из рода найман Кинз-батыра с родственниками, хан Среднего жуза Абулмамбет – своего тестя султана Султанмаммета, что позволило ему занять кочевья в Илийской долине»* [27].

При возможных военных конфликтах России и Китая Абылай планировал занять нейтральную позицию, на которую Оренбургская губернская канцелярия вынуждала местных казахов 8 марта 1759 года, что следует из документа: *«Присланные к Аблай-салтану и спрашивали, Аблай-салтана: ежели иногда у них с Россиею война быть случится, в таком случае они, киргисцы, которой стороне прилежать будут, токмо на то от него, Аблай-салтана, сказано им, что он с ево ордою в тогдашнем случае ни российской, ни китайской сторонам помогать не будет, но в собственной только осторожности пребудет»* [13, л. 189–190].

Решающую роль в разгроме волжских калмыков во время «Пыльного похода» сыграл хан Абылай. Как известно, во второй половине XVIII века социально-экономическое и политическое положение в калмыцких улусах значительно ухудшилось. Заметно ограничилась ханская власть Дондок Доши (1741–1761 гг.) и усилилась земельная экспансия царизма при наместнике Убаши. Заметно были урезаны их права, ощущался острый недостаток в пастбищных угодьях. Часть калмыков подверглась политике христианизации, ежегодно они должны были поставлять в российскую армию военные отряды, немало калмыков погибло в многочисленных завоевательных походах России. После разгрома Китаем Жонгарского государства до калмыков доходили слухи, что их далекая историческая родина опустела. Среди них зародился план возвращения на восток. Агитацию по возвращению калмыков на прежнюю родину возглавил сподвижник Амурсаны Шерен. Осенью 1770 года калмыки согласовали свое переселение с китайскими властями. Часть волжских калмыков, подстрекаемое буддийским духовенством, поддалось агитации. В январе 1771 года калмыки общей численностью в 180 тысяч человек сделали попытку откочевать в китайские пределы. На правобережье Волги остались около 60 тысяч калмыков: они не смогли перебраться на левый берег реки из-за того, что лед был очень тонкий.

Кстати, среди мигрантов были и жонгары, которые в количестве нескольких тысяч человек откочевали к своей исторической родине. Их численность варьировалась от 10 тысяч до 25 тысяч кибиток [28].

Маршрут движения большого калмыцкого кочевья во главе с князем Убаши проходил через территорию Казахстана. Действия переселенцев никак не входили в планы царского правительства: они теряли значительное податное население. К тому же калмыки показывали негативный пример другим народам края. Яицкое казачество отказалась преследовать калмыков, не было активных действий и со стороны оренбургского казачества. Царизм побоялся использовать и башкир, которые с 1755 года находились в конфликтных отношениях с казахами. К примеру, оренбургский губернатор Рейнсдорф по этому поводу писал в Коллегию иностранных дел, что *«не намерен был башкирцев без крайности употреблять»*, ибо они, с казахами находясь во «взаимной злобе, вместо калмык, они сцепились бы друг с другом» [29].

Тогда царское правительство не преминуло воспользоваться «улсугами» казахов, используя традиционные казахско-калмыцкие противоречия. По приближению к Яику Оренбургский губернатор Неплюев дал тайный сигнал хану Нуралы, что калмыки идут нападать на казахов: от имени правительства предоставил ему право сражаться с ними и оставить в своем распоряжении всю доставшуюся добычу: жен детей, скот, жилища. Единственное: казахам было предписано вернуть калмыков на прежние кочевья. Такое же предписание было дано и казахам Среднего жуза в лице хана Абылая и султану Султанмамета, когда Нуралы не совсем справился со своей задачей. Естественно, казахи в полную силу «воспользовались» данным предложением, мстя калмыкам за все прежние набеги и обиды. Калмыки, попытавшиеся пройти через земли Младшего и Среднего жузов, получили ощутимые удары от казахских ополченцев. В сражениях с калмыками активное участие приняли практически все казахские ханы и султаны: *Абылай, Нуралы, Султанбет,*

Урус, Абульфейс, Ирали и другие. Несмотря на то, что калмыки имели боеспособное конное войско численностью в 40 тысяч человек, они терпели тяжелые поражения от казахов. Значительный урон калмыкам был нанесен отрядами султана *Айшуака* на реке Сагыз. На реке Орь, Ужим, близ Мугоджарских гор, отступающие калмыки подверглись нападению отрядов хана *Нуралы*. Султаны *Абылай*, *Султанбет* и *Абульфейс* также нанесли ряд сокрушительных поражений калмыкам. В сражениях с калмыками приняли участие и воинские соединения казахов Старшего жуза. Всюду казахам удавалось захватывать скот, пленных и имущество противника.

Крупное сражение произошло на берегу озера Балхаш. Калмыки сделали попытку остановиться на берегу реки Моинты. Казахское ополчение численностью в 100 тысяч человек, возглавляемое Абылаем, окружило обессиленных калмыков. Как известно, войско из числа казахов Среднего жуза в количестве 50 тысяч человек было собрано султаном Султанмаметом по указанию хана Абылая. Это видно из письма от 31 мая 1771 года командующего Железинской крепости полковника Андрея Рамейкова в адрес командующего Сибирским корпусом генерал-майора С.К. Станиславского: *«Салтамамать-салтана, улусы в степи ниже крепости Железенской в двустах верстах нашел при озерах Калалах, в коих самого Салтамамать-салтана не оказалось. А на вопрос от жены его и малова сына Сеита объявлено было: что он 17 числа сего м-ца отбыл с своими детьми Наурус, Иман и Караи салтанами в поход на бегущих вольжских калмык. В собранном их войске всего пятидесяти тысячах»*. При тщательной проверке российскими представителями оказалось, что в улусе Султанмамета осталось мало людей, в основном юрты и скот охраняли старики да дети [2, л. 330 об.]. Поэтому можно смело предположить, что цифра 50 тысяч человек – реальная и не может быть преувеличением [30].

А общая численность казахского воинства, собранного Абылаем из трех жузов, достигла 100 тысяч воинов, о чем докладывал сообщением от 8 июня 1771 года султан Жангир Султанмаметулы, адресованного командующему Сибирским корпусом генерал-майору С.К. Станиславскому во время решающего противостояния на реке Сарысу: *«Получил я чрез нарочно ко мне присланного от отца моего Салтамамать-салтана киргисца известие, что отец мой со своим войском, и совокупясь с Аблай-салтаном, вместе с таковым же, а всего во сте одной тысяче находится в вершинах реки Сарысу, у урочища называемого Иманак-цокцы... Но теперь еще ожидает он в присовокуплении к войску некоторого числа киргисцов, за тем тут и остановились. А как все в соединении киргисцы зберутца, то не хотят оставить того, чтоб не напасть на бегущих калмык, а старатца наисильнейше, как бы их разбить и не дать к уходу никакой притчины. А калмыки находятца на той же реке Сарысу, и от их киргискаго войска очень не в дальном разстоянии, а от Железенской крепости разстоянием 12 дней езды»* [30, л. 384 об.].

Окончательный удар по калмыкам нанесли алатауские кыргызы. Это событие в истории казахов и родственных кыргызов получили название «Шанды жорык» («Пыльный поход»). До далекой Жонгарии дошла только лишь десятая часть переселенцев, многие из них погибли в сражениях. По прибытии в Синьзянь остатки калмыков были расселены небольшими группами и стали нести пограничную и почтовую службу. Эта война принесла многочисленные страдания и казахам:

тысячами они погибли на местах сражений. Кстати, в октябре 1771 году императрица Екатерина II упразднила Калмыцкое ханство, назначив в их улусах несколько приставов из числа русских офицеров [28, с.30].

В 60-х годах XVIII века несколько осложнились отношения казахов с алатаускими кыргызами. *Во-первых*, на освободившиеся земли жонгар претендовали и родственные казахам кыргызы. *Во-вторых*, участились случаи взаимных угонов скота семиреченских казахов кыргызами. *В-третьих*, начались нападения с их стороны на казахские торговые караваны. В этих условиях Абылай был вынужден совершить ряд упреждающих военных рейдов вглубь кыргызских земель. Так, в 1765 году Абылай совершает крупный поход против них. Данный факт очевиден из сведений, которые предоставил Иман султан командующему Железинской крепости Иртышской линии военных линий подполковнику сибирского полка Ф.Е. фон Платеру от 22 октября 1765 года: *«Между которых Салтамаметь-салтана сын Иман-салтан на спрос мой чрез толмача объявил, что-де не токмо брат его Урус-салтан, но-де и он сам, Иман-салтан, в готовности состоит следовать воевать з дикими, называемые галданские, киргисцы, за тем резонном, якобы они следующих ис Ташкени, Туркистана и ис прочих богатых мест купцов для торгу до них не допускают, но у себя задерживают, ограбливают и до смерти убивают. И с Аблай же салтаном они намерены соединитца, недошед до города Ташкен, а Аблай-салтан со своими людьми в поход уже-де выступил»* [31].

И после этого похода отношения с соседями не улучшились. Кыргызы подвергли грабежу и насилию уйсунские и конрадские кочевья в Семиречье и Туркестане. Поэтому в декабре 1770 году Абылай совершает новый поход и наносит кыргызам поражение. Это можно усмотреть из письма генерал-майора Станиславского в адрес командира Сибирского корпуса генерал-поручика И. И. Шпрингера о выступившем в поход Аблай-султана во главе 20 тысячной конницы. Причиной этого похода стало то обстоятельство, что кыргызы мешали торговле казахов с Ташкентом: *«О всенакрепчайшей предосторожности от выступившаго в поход неизвестно куда Средней киргиской орды Аблай-салатна с дватцатью тысячами подданных своими киргисцами...у них война з дальними киргизами, которые-де живут за Ташкиниею и препятствуют-де им ташкинцам выходить к ним, киргисцам, а кои-де их отсюда провозжат – убивают и грабят, и так-де чрез то они лишаются всех торгов... И так-де ныне сам Аблай-салтан собрал сколько возможно было ото всех улусов доброконных»* [32].

Между двумя народами были установлены границы, соседи освободили всех пленных казахов и весь ранее угнанный скот. Обе стороны обязались впредь не нападать друг на друга, предоставив казахской стороне аманатов, но как показали последующие события набеги все же не прекращались. Поэтому в 1773 году состоялся очередной поход против воинственных и беспокойных кыргызов, в котором приняло участие и 8-тысячный отряд из Среднего Прииртышья, отправленный султаном Султанмаметом, что можно усмотреть из его письма от 8 декабря 1772 года в адрес генерал-поручика И.А. Деколонга: *«Аблай-салтан, погостив у меня, благополучно в свои кочевья отбыл. О чем изволите ведать. И мы с ним договор положили, чтоб ехать на весну, ему с двумя сыновьями, а мне вообще в восьми тысячах нашими подвластными киргисцами на диких киргисцов войною»* [33].

В 1774 году начался очередной поход войск Абылая против кыргызов. Он выступил в союзе с султаном Абулфеисом с армией в количестве 60 тысяч человек, о чем сообщал командующий Семипалатинской крепости полковник И.Т. Титов в адрес командира Сибирского корпуса генерал-майору А.Д. Скалону от 9 января 1774 года: *«Киргиской орды Аблай-салтан и старшины Абулфеист и Карабарак, собрав войска киргискова до шестидесят тысяч пошли войной на живущих в камню киргисцов же, разстоянием от китайцов конной ездой десеть дней, а от наших границ ездою ж конною тритцать дней»* [33, л. 69]

Кстати, хан Абылай просил военную помощь у Китая, на что получал отказ со ссылкой на то, что грабежи и набеги двух народов - обоюдные, что видно из указа императора Цяньлуна от 29 марта 1774 года: *«Казахи и буруты беспрестанно грабят друг друга... Ныне просят помощи ограбленные казахи. Если оказать им помощь, то буруты также скажут, что ограблены казахами, и в свою очередь попросят помощи»* [23, с. 213].

Летом в 1779 году Абылай был вынужден совершить новый поход против беспокойных кыргызов, завершившийся перемирием: в качестве аманатов Абылай взял детей самых знатных манапов, из которых он образовал две волости – *Жанакиргизскую* и *Байкиргизскую*. Все они были переселены в район Кокшетауских гор и поселены среди атыгайских родов. Эти и другие меры султана Абылая привели к установлению мира на казахско-кыргызской границе.

Иногда между узбеками и казахами также имели военные действия. В таких случаях, Абылай собирал военное ополчение, в том числе и с района Среднего Прииртышья, пользуясь поддержкой своего двоюродного брата Султанмамета, что видно из письма последнего в адрес командира Сибирского корпуса генерал-поручика И.И. Шпрингеру от 2 сентября 1766 года, причем, султан в то время еще не имел ханского достоинства: *«От находящагося ныне в ташкентской стороне Аблай-салтана получил я указ, в котором объявляет, что он по желанию своему как ташкентцов, так и бухарцов под владение свое склонил, и намерение имеет с своим войском следовать далее той Бухарии, в кочующие орды, которые еще к миру склонности не показали; и требовал об отправлении к нему детей моих Уруса и Иман салтанов, которых я отправить намерен сего м-ца 5 числа»* [33, лл. 12–12 об.]. Сыновья Султанмамета также были готовы участвовать в походе Абылая против каракалпаков и тех групп степных казахов, которые отказывались подчиняться хану Абылаю.

К 70-м годам здоровье хана заметно пошатнулось: сказались долгие годы борьбы по отстаиванию интересов страны в условиях постоянного передвижения и противоборства с внутренними и внешними силами [21, с.130].

Перед своей кончиной он решил вопросы престолонаследия. Сын Вали должен был править Средним жузом, Адиль – Старшим, остальные дети – небольшими уделами в Среднем и Старшем жузах [4, с. 274].

Хан Абылай умер в районе города Ташкента поздней осенью 1780 года и был похоронен в мавзолее Ходжи Ахмеда Яссауи в г. Туркестане. Дети покойного хана в первые месяцы его кончины тщательно скрывали смерть своего отца: видимо,

пытались дожидаться выборов хана, и в то же время опасались вмешательства в выборные дела Российской империи. Это видно из письма генерал-майора Н.Г. Огарева в Государственную Коллегию иностранных дел от 21 марта 1781 года: *«Шыгыс-солтан запрещает киргизцам о том российским людям объявлять (о кончине Абылай-авт.) до предбудущаго их собрания в летнее время»* [34].

Китайское правительство, получив весть о смерти хана, отправило посольство, которое совершило торжественное поминовение по умершему. На могиле хана его родственники и сподвижники установили надгробную мраморную плиту.

По поводу кончины своего отца его сын Уали писал только лишь 16 июля 1781 года: *«Вашему превосходительству доношу, что родитель мой Абылай-хан по достижении себе от роду шестидесяти девяти лет жизнь свою окончал, которую он во все оное шестидесятидевятiletнее время продолжал, упражняясь в службах... нигде никакого вреда, ни же неповиновенья не делал»* [13, л. 417].

Хан Абылай занимает важное место в истории казахского народа, его усилия были направлены на создание сильного и независимого Казахского государства. Он возглавил объединительные процессы казахов и способствовал некоторой централизации государственной власти в Великой степи. Ему принадлежит важная роль в деле разгрома жонгар и волжских калмыков: в 1758 году перестало существовать Жонгарское государство, а в октябре 1771 года – Калмыцкое ханство. Благодаря своим военным усилиям и дипломатическим шагам он не только остановил движение китайских армий по территории Казахстана, но и вернул традиционные пастбища на Тарбагатае и в долине р. Или, также благодаря его военным походам несколько прекратились набеги алатауских кыргызов.

Хан Абылай пользовался огромным уважением не только среди казахов, но и соседей. Казахи, нападая на противников, использовали боевой клич «Абылай!». А. Бокейхан в своей работе «Киргизы» пишет, что этим боевым кличем пользовались даже сибирские казаки: *«Клич «Абылай» распространен даже среди сибирских казаков-русских. Один из них, провожая сына на японскую войну (1904–1905 гг – авт.), даже давал ему напутствие «Абылай! Абылай! ...Нападай!»* [35].

Казахи того периода, в том числе и в первую очередь Семипалатинской и Акмолинской областей считали уран Абылай главным боевым кличем [36].

После его смерти ханский престол был передан его сыну Уали, которому не удалось продолжить дела своего знаменитого отца. В среде чингизидов начались междоусобные конфликты. В начале 80-х годов XVIII века роды каракесек и тортру выбрали ханом Даира сына султана Барака. В январе 1795 года два султана, 19 старейшин и более 120 тысяч казахов Среднего жуза подали прошение на имя Екатерины II с прошением переподчинить их напрямую российской императрице. Царское правительство, воспользовавшись данным обстоятельством, начало предпринимать меры, направленные на ослабление остатков казахской государственности. В 1788 и 1798 годах прииртышским казахам было разрешено перекочевать на правобережье Иртыша на «вечную кочевку». Некогда единый Средний жуз был поделен на две части. Для ослабления власти хана Уали в Среднем жузе в 1815 году был провозглашен второй хан Бокей. Хотя дети хана Абылая закрепились в ряде земель Старшего жуза, находясь вассалами своего брата хана Уали [7, с. 141-142].

Именем Абылая названы проспекты и улицы многих городов Казахстана. В Алматы в честь выдающегося хана названо также высшее учебное заведение страны – Казахский государственный университет международных отношений и мировых языков. В честь великого правителя в предгорьях Кокшетауских гор установлена стела. Казахи охотно дают имя выдающегося казахского хана своим детям. В г. Петропавловске была реконструирована резиденция хана Абылая.

Список использованной литературы и источников:

1. Әбуов Қ. Абылай хан. Замандастары және ұрпақтары. Кокшетау, 2016. С. 65.
2. Касымбаев Ж.К. История Казахстана. Алматы: 2004. С. 35.
3. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. Алма-Ата, 1984. Т. 1. С. 201.
4. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты. 1675–1821 годов. Алматы, 2014. Т. 1. С. 274.
5. Валиханов Ч.Ч. Абылай-хан // Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1964. Т. 3. С. 486.
6. Архив Внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф.122. Оп. 122, 3. Д.1. Л. 51.
7. Хафизова К. Ш. Степные владетели и их дипломатия в XVIII – XIX вв. Нур-Султан, 2019. С.116.
8. Башкирское народное творчество. Уфа, 1996. Т.10. С. 320–321.
9. ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 195. Л. 473.
10. ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16. Л. 73–74 об.
11. Алтон С. Доннели. Завоевание Башкирии Россией 1752–1740. Лондон, 1968. С. 212.
12. Васильев Д.В. Административная аккультурация: опыт региональной политики Российской империи в Центральной Азии. XVIII–XIX вв. Оренбург, 2018. С. 22.
13. ИГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 76. Л. 188.
14. АВПР. Ф.ККД. Оп.122/1, Д.19. л.363–364 об.
15. Қошке Кеменгерулы. Из истории казахов // Сборник сочинений в трех томах (составитель Д. Камзабекулы). Алматы, 2005. С. 43.
16. Красовский М.. Область сибирских киргизов. Материалы для географии и статистики России. СПб., 1868. Ч.1. С. 86.
17. Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк // Известия Оренбургского отдела Императорского русского Географического общества. Оренбург, 1900. Вып. 15. С. 123–124.
18. Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996. С. 254.
19. Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк // Известия Оренбургского отдела императорского Русского Географического Общества. Оренбург, 1901. Вып. № 16. С. 157–158.
20. ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 56. Л. 135–136.
21. Касымбаев Ж.К. Государственные деятели Казахких ханств (XVIII в.). Алматы, 2009. С. 119.

22. ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 35. Л. 287–288.
23. Восточная дипломатия на стыке цивилизации (конец XIV – 70 годы XIX вв.). Сборник документов и материалов. Астана, 2015. С. 100.
24. Жусупова Л.К. Мәшһүр Жүсіп Көпейұлы – деректанушы. Павлодар, 2013. С.70–71.
25. Коншин Н. Труды по казахской этнографии. Павлодар, 2005. Т. 7. С. 74.
26. АВПР. Ф.3. Д. 1761 г. Оп. ПЗ/Л. Д. 2. Л. 14.
27. Хафизова К.Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV – XIX вв.). Алматы, 1995. С. 242.
28. Касымбаев Ж.К. Теоретические, историографические и источниковедческие аспекты антиколониальных восстаний в Казахстане. Алматы. 2010. С. 24.
29. Таймасов С.У. Башкирско-казахские отношения в XVIII веке. - М., 2009. С. 275.
30. ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 173.
31. ИАОО. Ф. 1. Оп. 1, Д. 137, Л.234–235.
32. ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 169. Л. 1–1 об.
33. ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 190. ЛЛ. 397–398.
34. История Казахстана в русских источниках XVI – XX веков. Алматы, 2007. Т. 6. С. 143.
35. Кабульдинов З.Е. История Казахстана. Алматы, 2018. С. 57.
36. Букейханов А.Н. Казахи; историко-этнографические труды. Павлодар, 2006. Т. 14. С. 31.